

где действуют механизмы регулирования экономики, построенные на единых принципах и обеспечивают свободное перемещение товаров, услуг, рабочей силы, капитала, а также осуществляется единая внешне-торговая и согласованная налоговая, денежно-кредитная и валютно-финансовая политики. Расширение торговых связей, взаимных инвестиций, обеспечивающих устойчивое развитие экономик сторон на основе общепризнанных принципов и норм международного права, а также развития экономического потенциала и конкурентоспособности национальных экономик стран, образующих ЕЭП, на внешних рынках.

Кроме того, в число главных задач ЕЭП входят формирование единых принципов регулирования деятельности естественных монополий, к которым относят железнодорожные компании, магистральные телекоммуникации, системы транспортирования электроэнергии, газа и нефти. ЕЭП предполагает обеспечение недискриминационного доступа к услугам их объектов и единых справедливых тарифов на их услуги.

Принцип проведения единой политики в отдельных отраслях экономики предусматривает заключение секторальных соглашений, которые будут разрабатываться в развитие Соглашения о формировании Единого экономического пространства. Преобладающую часть первоочередных документов составляют те, которые будут регулировать процедуры и правила перемещения товаров и услуг через таможенные границы стран – участниц ЕЭП. В частности, это:

- соглашение по определению таможенной стоимости товаров, которые перемещаются через таможенные границы государств – участников ЕЭП;

- соглашения о принятии единых правил определения страны происхождения товаров из «третьих» стран и о порядке взимания вывозной пошлины с товаров, которые поставляются в «третьи» страны;

- соглашение о единых правилах применения таможенных квот;

- соглашения об упрощении порядка таможенного оформления и таможенного контроля на внутренних границах, а также о единых основах применения информационных технологий при осуществлении таможенного контроля за перемещением товаров и транспортных средств через границы государств – участников ЕЭП;

- соглашения о единых условиях транзита через территории государств – участников ЕЭП, а также о едином порядке транзита товаров из «третьих» стран (в «третьи» страны) через таможенные территории государств – участников ЕЭП;

- протокол о таможенном контроле за реэкспортном товаров, которые происходят с территорий государств – участников ЕЭП и вывозятся в «третьи» страны;

- соглашение по единым принципам регулирования деятельности естественных монополий [6, С.18].

Таким образом, транспортная инфраструктура становится не только отраслью обслуживающей транзитные грузопотоки, но и системой реально продвигающей Украину к новым экономическим, технологическим и социальным высотам европейских стандартов.

Источники и литература

1. Новый экономический словарь/ Под ред. А.Н.Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 2006. – С.289;
2. Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. – М.: ИНФРА-М, 2005. – VI, С.168;
3. Экономическая теория: Учебник / Под общ. ред. Акад. В.И.Видяпина, А.И.Добрынина, Г.П.Журавлевой, Л.С.Тарасевича. – М.: ИНФРА – М., 2002. – С.83-84;
4. 4.Мочерний С.В. Політекономія: Підручник. – К.: Вікар, 2003. – (Віща освіта ХХІ століття), С.153;
5. Большой экономический словарь / Под ред. А.Н.Азрилияна. – 6-е изд., доп. – М.: Институт новой экономики, 2004, – С.348;
6. С.Пирожков, П.Прейгер, И.Мялярчук „Проблемы реализации транзитного потенциала Украины в контексте расширения ЕС и формирования ЕЭП. „Экономика Украины”, №3, 2005, С.7,18;
7. Відомості Верховної Ради №51, 1999, С. 446;
8. Відомості Верховної Ради №24, 2002, С.166.

Орехов В.В.

ФРАНЦУЗСКИЙ КОД В РУССКО-ФРАНЦУЗСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ДИАЛОГЕ

В последние десятилетия коммуникативные теории приобрели особую и, думается, заслуженную популярность. Они успешно используются в сфере сравнительного литературоведения. Попытаемся применить коммуникативный подход в одной из «молодых» отраслей компаративистики – в имагологии. Это направление, исследующее литературные имиджи стран и народов, получило значительное развитие в украинской науке прежде всего, благодаря работам Д.С. Наливайко [11; 12] и ныне находится на стадии совершенствования теоретической и методологической базы. Суть нашего подхода в том, чтобы сосредоточиться не на реконструкции литературного образа чужой страны, создаваемом в иноязычной литературе, а исследовать его в контексте межлитературного диалога. В качестве объекта наблюдения выберем русско-французскую литературную полемику, которая существовала вокруг имиджа России в первой половине XIX в. Цель статьи – определить специфику восприятия российским читателем французского текста о России. Задачи – выявить традиционные мировоззренческие клише, общие для французской и русской литератур; проанализировать их функционирование в сфере межлитературного имагологического диалога.

Французская литература конца XVIII – начала XIX в. сформировала значительный массив произведений о России – французский текст о России. Российский читатель XIX в. имел к нему весьма широкий дос-

туп. Однако информация должна не только достигать читателя, необходимо, чтобы она воспринималась адекватно. Для этого отправитель информации (в данном случае французские литераторы) и получатель информации (русские читатели) должны владеть общим кодом понимания текстов, то есть, как минимум, говорить на одном и том же языке. В этом отношении существует ясность – значительная часть образованного общества России владела французским языком. Но добавим, что код понимания текстов заключен не просто в национальном языке, а еще и в стабильных структурах хранения и передачи информации (в стереотипах, в символах и т.д.), которые также имеют национальные особенности. Чтобы правильно «прочитать» инокультурный текст, необходимо знать традиционные модели национального сознания, отразившиеся в культуре, породившей этот текст, а следовательно, отразившиеся и в самом тексте. Зададимся вопросом: в какой мере пониманию русского общества были доступны специфические французские понятия и мировоззренческие ориентиры, которые наполняли французский текст о России и заключали в себе значительную долю его смыслов?

Очевидно, что российское западничество, в разной мере представляя собой ориентацию российского общества и творческой мысли на культурные каноны Франции, не могло не сказаться на психологической картине мира, присущей российскому общественному сознанию. Франция – как объект подражания и постоянного интереса, а уровень французской культуры и жизни – как предмет общественного устремления создали в российском мировидении психологическое и художественное клише, в соответствии с которым Франция воспринималась неким центром, а Россия – периферией культурной и общественной жизни.

Это отчетливо улавливается на примере тех образов и высказываний, которые определяют геокультурное место России и Франции в художественной картине мира. В литературном видении первой половины XIX в. мир имел абсолютно четко очерченный и не имеющий альтернативы центр – город Париж. Для француза Париж не просто столица Франции, Париж – столица мира. Стендаль писал: «Париж – столица Европы. Все высшие классы, как в С.-Петербурге, так и в Вене, хотят не только говорить на его языке, но и усвоить его взгляды, его верования» [15, с. 181]. О том же мог писать почти любой француз, но любопытно то, что о том же мог писать почти любой русский.

Путешественник Карамзина («Письма русского путешественника»), оказавшись во французской столице в 1790 г., восклицал о Париже: «Мало, если назвать его первым городом в свете, столицей великолепия и волшебства» [10, с. 307]. Шли годы, а отношение к французской столице не менялось. И когда учитель сыновей Манилова задавал Фемистоклосу показательный вопрос «Какой лучший город во Франции?», тот без запинки отвечал: «Париж» [6, с. 29].

Париж представлялся центром притяжения всех культурных и интеллектуальных интересов, целью всякого странствования по Европе. Этот феномен точно подметил Герцен. «Ничего не может быть печальнее для путешественника, вошедшего во вкус, – писал он в «Письмах из “Avenue Marigny”», – как приезд в Париж: ему становится неловко и страшно, он чувствует, что приехал, что дальше ехать некуда <...>» [5, т. 3, с. 16]. В общественном и литературном сознании Париж оставался источником общественного, интеллектуального и культурного движения. Потому-то чаще всего его и сопровождают эпитеты «кипящий» [14, т. 3, с. 191], как, например, у Пушкина («Калмычке»), или «шумный» [3, с. 359], как, скажем, у Вяземского («Ферней»).

Российское общество приняло французский язык как готовую и универсальную знаковую систему, наиболее удобную для передачи современной информации. Но в месте с языком оно неизбежно должно было перенять и те семантические константы, которые отражали французское национальное сознание. Точно так же, восприняв французскую литературу в качестве образца, российское художественное мышление заимствовало образный инструментарий, мыслительные обороты и мировоззренческие клише французов. Подобно тому, как обновлявшийся русский язык использовал в качестве строительного материала галлицизмы, русская литература принимала на вооружение французские «образы мира». Это важно для осознания той особенности, что русское образованное общество не просто говорило с французами на одном языке – в буквальном смысле этого выражения. Оно еще и умело мыслить теми же самыми стереотипами и категориями, что и французы, а потому французская литература зачастую была понимаема русским так же хорошо, как *своя*. Российские литераторы в диалоге с французами не просто «переходили» на французский язык, она «переключались» в регистр французских понятий.

В общих чертах русская литература и психология российского общества переняли французскую литературно-мифологическую модель мира: Париж – в центре мира, а Россия – на краю Европы. Но многие детали этой модели в русской литературе получили своеобразную и качественно новую расшифровку. Так, например, «северные черты» России, которые западными авторами зачастую изображаются чем-то малопривлекательным и откровенно пугающим, в русской литературе, как правило, поэтизировались. «Север» сплошь и рядом употреблялся как синоним слову «Россия».

В стихотворении «Наполеон на Эльбе» (1815) Пушкин вкладывал в уста Наполеону монолог – обращение к Александру I: «Полнощи царь молодой!» [14, т. 1, с. 89]. В том же году в оде «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году» поэт воспевал «восставшего» «в громах на севере» русского императора [14, т. 1, с. 111]. В черновике стихотворения «К морю» (1824) сосланный на остров Наполеон вспоминал «Льды железной <?> Полуночи», или «[Пожар <?> и] Ужас Полуночи» [14, т. 2, с. 799]. К 1824 г. ореол царя-избавителя Европы уже мало шел Александру. Однако северное «происхождение» русского императора и тогда имело смысл. И в стихотворении «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» Пушкин уже без позитивного пафоса и в европейской традиции понимания «северного самовластия» изобразил деспота-Александра, назвав его «владыкой севера» и «владыкой полунощи» [14, т. 2, с. 278, 279].

Разочарование в российской действительности могло наполнять образ Севера довольно мрачными чертами. Когда в 1825 г. Пушкин увиделся со своим лицейским товарищем А.М.Горчаковым и был разочарован этой встречей, то писал из Михайловского Вяземскому: «Он (Горчаков – В.О.) ужасно высох – впрочем, так и должно: зрелости нет у нас на севере, мы или сохнем, или гнием <...>» [14, т. 13, с. 231]. Это – та самая мысль, которую так полно выразил позднее Лермонтов в стихотворении «Дума», где, правда, нет «приявки» к Северу. Зато она есть в лермонтовском стихотворении 1829 г. «Монолог»: «Мы, дети севера, как здешние растения, // Цветем недолго быстро увядаем» [9, с. 60].

Неприятие российской жизни порой вынуждало литератора искать «землю обетованную» не на Севере, а в других краях. Писал же Лермонтов в 1831 г. в стихотворении «Желание» о мечте помчаться на Запад, где покоится прах его предков, и говорил же о себе: «Последний потомок отважных бойцов // Увядает среди чуждых снегов» [9, с. 180]. Но тот же Лермонтов, оказавшись в изгнании, писал (в 1840 г.), что «тучки небесные» мчатся «в сторону южную» вовсе не из «чуждых снегов», а «с милого севера».

В диалоге с иностранцами русские литераторы принимали на себя роль представителей Севера и зачастую эту роль поэтизировали. Не достаточно было сказать о русских, например, что они северяне. Следовало, во всяком случае в стихах, находить более живописные формулы. Так, скажем, Е.А.Баратынский в поэме «Цыганка» (1831) именовал русских «сугробов северных сынами» [1, с. 388]. Понятно, что европейские литераторы, свободно владея этим метафорическим языком, зачастую поддерживали поэтизацию Севера. «Господину Пушкину, непременно секретарю Аполлона в департаменте Севера» [14, т. 16, с. 383], – так обращался к русскому поэту, скажем, французский профессор словесности А.Жобар (16 марта 1836 г.), пересылая ему свой французский перевод оды «На выздоровление Лукулла».

Но вопрос: почему бы Жобару не назвать Пушкина «секретарем Аполлона в департаменте *Востока*»? Ведь в европейском представлении Восток гораздо чаще ассоциировался с поэзией, нежели Север, а Россия воспринималась страной столь же восточной, сколько и северной. Думается, потому, что в понимании и француза, и русского Восток символизировал не только поэтическое начало, но еще и нецивилизованность нравов, а потому наименование Пушкина, скажем, «азиатским поэтом» выглядело бы комплиментом весьма сомнительным. Именно поэтому и Вольтер, например, в переписке с Екатериной II [13] неизменно именовал ее *Северной* Звездой, а не *Восточной* или *Азиатской*.

Объяснимо, что русской литературой именно северная символика использовалась в качестве позитивной, а азиатские ассоциации носили, как правило, характер отрицательных оценок. Азиатский колорит мог поэтизироваться применительно к восточным странам, к южным провинциям самой России (Крым, Кавказ), но в отношении к основной территории России, в отношении к ее нравам и политическому устройству «азиатчина» воспринималась как выражение отсталости и дикости. Так, 21 января 1831 г. Пушкин с благодарностью сообщал из Москвы Е.М.Хитрово, что ее письма – «единственный луч», который проникает к нему из Европы [14, т. 14, с. 423]. А через несколько дней признавался той же Елизавете Михайловне: «Как мне не терпится очутиться среди Вас – я по горло сыт Москвой и ее татарским убожеством!» [14, т. 14, с. 424] Это письмо было написано Пушкиным по-французски, и не удивительно, что он использует не только французскую лексику, но и французскую символику. Всякому французу было совершенно ясно, что «татарское убожество» (*nullité tartare*) обозначает вовсе не материальную бедность, а бедность интеллектуальную и духовную. Ясно это было и всякому образованному русскому.

Французские штампы имели свободное хождение в русском обществе, приобретая новые смысловые оттенки. Так, Д.В.Давыдов, рассказывая о партизанской войне против французов, часто прибегал к чисто французским образным наименованиям. В «Дневнике партизанских действий 1812 года» он называл своих партизан «скифами», свой отряд – «ордою», а свои нападения французские регулярные войска – «азиатскими атаками» [7, с. 355, 370]. Так же русских партизан называли и французские военные.

Французские понятия на российской почве подвергались переосмыслению и переоценке, ассимилировались с понятиями чисто отечественными. Например, в «Дневнике...» Давыдов именуется французов «просвещенными», как, несомненно, они и сами себя именовали, но снабжает этот эпитет весьма весомым дополнением и называл французов «просвещенными варварами» [7, с. 400]. Французский же штамп по поводу «российского варварства» в устах Давыдова приобретал обновленный, патриотический смысл. В 1835 г. он писал А.С.Пушкину об обзоре А.И.Данилевского кампании 1814 г.: «Все сочинение проникнуто теплою любовью к России, что для меня, варвара, человека русского без всякой примеси бог знает как усладительно, особенно при настоящем духе общегражданства <...>» [8, с. 210].

Использование «иностранный код» при создании и чтении «текста о России» имело особое значение именно в диалоге с иностранцами. Российский читатель мог понять российского автора и без европейских метафор, а вот читатель европейский нуждался в том, чтобы ему говорили и писали о России на языке европейских представлений. Пожалуй, наиболее виртуозно в этом отношении использовал «зарубежный код» А.И.Герцен.

Уже в «Письмах из “Avenue Marigny”», изначально ориентированных на отечественного читателя, а позднее – и на западного, Герцен, шутя, входит в образ «русского-скифа». Упомянув в первом письме о «седых, почернелых памятниках» Европы, которые, по его словам, придают ей «слишком аристократическую физиономию», Герцен замечал: «Иногда как-то не по себе нашему брату, скифу, среди этих наследственных богатств и завещанных развалин <...>» [5, т. 3, с. 21]. Пока это – лишь привычная для русской литературы игра чужой метафорой. Но вскоре эта метафора стала обозначать для Герцена ту роль, которую он начинал играть в Европе.

В 1849 г. социалист П.-Ж. Прудон обратился к Герцену с просьбой о деньгах на издание новой газеты. Герцен пожертвовал необходимую сумму, сам решил участвовать в создании печатного органа и в связи с

этим писал Прудону 27 августа 1849 г.: «<...> Вы подписали соглашение с варваром, и варваром тем более несправимым, что он является им не только по рождению, но и из убеждения. <...> Настоящий скиф, я с радостью вижу, как гибнет этот разваливающийся старый мир, и не испытываю к нему ни малейшей жалости; именно нам надобно поднять голос, дабы засвидетельствовать, что этот старый мир, к которому мы принадлежим лишь частично, – умирает» [5, т. 9, с. 366]. В этом письме сформулировано все дальнейшее жизненное кредо Герцена. Все его заграничные работы о России сводились к тому, что русский народ, «лишь частично принадлежащий старому миру», предназначен историей, чтобы разрушить этот «старый мир». И в таком контексте роль «варвара», «скифа» выглядела гораздо более значимой и благородной, нежели роль представителя «цивилизованного», но «одряхлевшего» европейского народа. Эта мысль, как оказывается, весьма импонировала Прудону, поскольку в ответном письме он подхватил игру стереотипом и отмечал в характере Герцена «варварский задор (*verve barbare*)» [5, т. 5, с. 451]. К 1851 г. Прудон совершенно попал под обаяние «русского варвара» и писал: «Да, Герцен, Бакунин, я вас люблю, вы тут, в этой груди, которую многие считают каменной. У русских, у казаков (простите выражение) – я нашел больше души, решимости, энергии. А мы выродившиеся крикуны <...>» [5, т. 6, с. 541].

Герцен развивал свою мысль об особой миссии русского народа не только в письме к Прудону. В том же 1849 г., он опубликовал в Германии книгу «С того берега», где поместил на немецком языке статью «Россия», подписав ее *Варвар*. В том же году эта статья появилась во французском переводе в газете Прудона «*La Voix du Peuple*». Европейские читатели, имели возможность оценить, что *Варвар* не просто пишет о России на европейских языках, он еще и пишет о ней, используя европейские понятия и стереотипы. Через год эта статья выросла в отдельную брошюру «О развитии революционных идей в России», так же поначалу изданную по-немецки (1851), а чуть позже – по-французски (1851, 1853). И здесь европейский читатель снова нашел привычные, отшлифованные европейской публицистикой и литературой формулы оценок российской действительности: и развращенность российского двора, и кюстиновское определение России как «фасадной империи», и дикость народных нравов. Но эти формулы были использованы таким образом, что рождали у европейца совершенно новые и понятные ему мысли о России. Для иллюстрации приведем выдержку о русских народных песнях, о которых до Герцена писал почти всякий французский путешественник о России. Европейцы обычно замечали в этих песнях тоску, вызванную крепостным рабством. Герцен акцентировал внимание на иной их грани. «Существует особый разряд русских песен – разбойничьи песни, – внушал европейцам Герцен. – То уже не грустные элегии; то смелый клик, в них буйная радость человека, чувствующего себя, наконец, свободным, то угроза, гнев и вызов: “Погодите-ка, мы придем. Будем пить ваше вино, ласкать ваших жен, грабить богачей...”» [5, т. 3, с. 430] Но самая дикость русского народа в изображении Герцена выглядела как первобытная нравственная сила; славяне – как «умная, крепкая раса, богато одаренная разнообразными способностями» [5, т. 3, с. 396]; образованное дворянство – как будущее просвещения и справедливого переустройства мира.

В интерпретации Герцена образ «русского варвара» снова приобретал тот экзотический и благородный ореол, которым некогда снабдил этот образ Вольтер в поэме «Русский в Париже». Вольтер написал ее в 1760 г. под псевдонимом *Иван Алетов*. Русский герой поэмы осуждал французскую жизнь с позиций стоического нравственно здорового наблюдателя. В 1796 г. этот сюжет переосмыслил в контексте новой политической ситуации поэт Леклерк де Вож, издав поэму с тем же названием. Русский путешественник снова выступал как независимая личность, осуждающая несовершенство французской жизни [2, с. 760]. Ко времени Герцена этот русский персонаж во Франции почти забылся и его место заняли представления о культурном и нравственном упадке русского народа. Герцен упорно пропагандировал вольтеровский имидж русских, и не менее настойчиво боролся с негативными стереотипами. Именно защита русских от стереотипных, предвзятых оценок вынудила Герцена в 1851 г. вступить в печатную полемику с известным французским историком Ж.Мишле по поводу его «Легенды о Костюшке», где высказывались оскорбительные суждения о русском народе. Герцен предлагал Мишле свою собственную трактовку и российской истории, и российского национального характера, а когда обнаружил, что Мишле вполне принял его точку зрения, то извинялся перед Мишле за свою резкость, и извинялся – в том духе, который соответствовал создаваемому Герценом благородному имиджу «русского скифа». «Я вполне надеюсь, – писал Герцен, – что вы простите те места, где я увлекся своею скифскою горячностью. Кровь варваров недаром течет в моих жилах» [4, с. 335].

После этого случая Герцена и Мишле связало чувство дружбы и взаимного уважения. С позиций времени они воспринимали свою размолвку по поводу оценок русского народа как забавный факт, о котором старые знакомые обычно вспоминают с улыбкой. Поэтому, когда в мае 1863 г. Герцен давал А.А.Слепцову рекомендательное письмо к Ж.Мишле, он характеризовал своего соотечественника, прибегая к шутливому намеку. «<...> Один из моих друзей, – писал Герцен о Слепцове, – один из тех русских, которые, к счастью, нисколько не походят на ужасных московитов, изображенных в ваших “Легендах” <...>» [5, т. 9, с. 497].

Можно бесконечно долго перечислять те соответствия, которые существовали в мировоззренческих и понятийных структурах российского и французского общественного сознания. Но, кажется, приведенных фактов достаточно, чтобы прийти к **выводу**, что российский читатель вполне обладал тезаурусом, необходимым для осмысленного и полного восприятия французских текстов. Многие приемы и манера французского мышления, французские национальные стереотипы и мыслительные модели зачастую либо без изменений укоренились в российском сознании, либо подверглись «пересмотру» и в измененном виде все же укрепились на российской культурной почве. А потому в русско-французском литературном диалоге российские литераторы выступали, как правило, во всеоружии французских традиционных понятий, могли

свободно манипулировать ими и участвовать в их литературном переосмыслении.

Источники и литература

1. Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. – М., 1951.
2. Берков П. Изучение русской литературы во Франции (Библиографические материалы) // ЛН. – Т. 33 – 34. – М., 1939. – С. 721 – 769.
3. Вяземский П.А. Стихотворения. – Л., 1986.
4. Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти т. – М., 1954-1964. – Т. 6.
5. Герцен А. И. Сочинения. В 9-ти т. – М., 1955-1958. – Т. 3, 5, 6, 9.
6. Гоголь Н.В. Собр. соч. В 8-ми тт. – М.: «Правда», 1984. – Т. 5.
7. Давыдов Д.В. Сочинения. – М., 1962.
8. Давыдов Д.В. Сочинения: в 3-х тт. – СПб., 1893. – Т. 3.
9. Лермонтов Ю. М. Собр. соч.: в 4-х тт. – Л., 1979-1981. – Т. 1.
10. Карамзин Н.М. Сочинения: в 2-х т. – Л., 1983. – Т. 1.
11. Наливайко Д.С. Казацька християнська республіка. – К., 1992.
12. Наливайко Д.С. Очима Заходу. Рецепція України в Західній Європі XI – XVIII ст. – К., 1998.
13. Переписка Екатерины Великой с господином Вольтером. В: 2-х кн. – М., 1803.
14. Пушкин А. С. Полное собр. соч. В 19-ти т. – М., 1994. – Т. 1, 3, 2, 13, 14, 16.
15. Стендаль. Собр. соч.: В 15-ти т. – М., 1959. – Т. 7.

Резник О.В.

«Солнце мертвых» И.С.Шмелева В КОНТЕКСТЕ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

В эпопее «Солнце мертвых» (1925) Иван Сергеевич Шмелев (1873-1950 гг.) демонстрирует своеобразную подачу крымского пейзажа. Для него это не просто экзотический край, как для предшественников. Чтобы показать отличие именно в изображении этой многострадальной, но богоспасаемой земли, хочется привести один эпизод. Вначале это просто рассказ о рубке дров, когда рассказчик находит причудливо изогнуты кусты граба – канделябр, пятисвечник, забытая арфа, змея, играющая кольцами, старик горбатый, протягивающий руку. Но как действительность уничтожила мечты и фантазии героя, так и он безжалостно рубит «вопросительный знак» (довольно размышлять!), уничтожает «арфу» (искусство), «канделябр» (пережиток прошлого), «змею» (сам дьявол-искуситель не смог бы придумать такую жизнь!)... Прихотливая игра природы ни к чему в суровой реальности, где останется лишь зловещий символ-коряга: черный заросший крест, на котором болтаются грязная портянка и горлышко от бутылки. Более емкий образ трудно придумать: Крым – заброшенная святыня, оскверненная пьяным народом!

Как отметил в своей статье «Метафизика присутствия и небытия» профессор А.Д. Шоркин, «Становление личностного бытия - всегда ризоматическая задача топологии и топонимики, определения и угадывания своего места в головоломном «ребусе» мира». [1,10] Проследить, как в кризисной ситуации гражданской войны меняется мировоззрение, а вместе с ним – художественное отражение тех или иных исторических и географических реалий – задача несомненно интересная и плодотворная. Крымские страницы творчества И.С.Шмелева дают богатейший и актуальнейший материал для подобного рода наблюдений.

Обращаясь к наследию русского писателя 19-20 веков Ивана Сергеевича Шмелева, исследуя его эпопею «Солнце мертвых», посвященную эпохе гражданской войны в Крыму, каждый раз невольно задумываешься: неужели это действительно было? Сам рассказчик не раз спрашивает: «На каком свете это деется?» [2, 29] Именно этот «свет», зримые ориентиры помогли герою не сойти с ума, верить в реальность происходящего. Именно в Крыму эпохи гражданской войны, «здесь отнимают соль, повертывают к стенкам, ловят кошек на западни, гноят и расстреливают в подвалах, колючей проволокой окружили дома и создали «человечьи бойни»! [2, 29] И.Курамжина, автор предисловия к книге «С того берега: Писатели русского зарубежья о России. Произведения 20-30-х годов», отмечает, что люди в эпопею изображены как зомби, бродящие в пустыне. «Но так ли? А деревья? ...А мелкие невзрачные цветы, что растут по берегам безымянных болотистых речек, а голубое бесхитрое небо, а кружево только что распустившихся липовых крон?» [2,7] В целом верное дополнение мира людей миром природы, несомненно, нуждается в уточнении – в шмелевском произведении природа не противопоставлена, а также страдает, как и человек, мучается, терпит.

По замечанию исследовательницы Р.М.Горюновой, перелом в мировосприятии и художественном мироотражении И.С.Шмелева произошел в связи с событиями 1917 года: «Кульминацией этого перелома явилась пережитая зимой 1921 г. в Крыму трагедия – коварная расправа новой власти, учиненная над сыном И.С.Шмелева...» [3, 125] Эту книгу, в которой отразились все ужасы пережитого, он пишет только оказавшись в эмиграции – во Франции, в 1923 году. А.Амфитеатров отмечал, что Шмелев «не пугает, а только рассказывает день за днем, шаг за шагом «эпопею» своего крымского, обывательского существования в год под большевистским гнетом» [2, 38]. Таким образом, именно Крым становится объектом изображения «Солнца мертвых». Р.Горюнова утверждает, что «...образ крымской земли перерастает в эпопею в более объемный образ «земли родной, кровью политой» [3, 126]. Но для того, чтобы понять этот переход от конкретности к отвлеченности, обобщению, столь характерный для мужского сознания, необходимо выяснить, какие реалии становятся отправной точкой для рассуждений героя.

Однако, несмотря на наличие отдельных работ, посвященных творчеству писателя, «Солнце мертвых» трудно отнести к произведениям, широко известным читателю. Показать его в новом ракурсе – через призму изображения крымской земли, определить те топографические рамки, которые воспринимаются автором